

На миг Цуй Люй замер, готовый отказаться. Поверил бы ему кто или нет, но он и впрямь не собирался прикладывать руку к добру, изъятому из поместья Янь Сю.

Любовь к деньгам заложена в человеческой природе, и Цуй Люй не был исключением — когда-то страсть к обогащению едва не погубила его.

Глядя на сундуки, доверху набитые сокровищами, он ощущал горькую иронию судьбы. В его душе разыгралась настоящая битва: старые привычки боролись с новообретенной мудростью.

В делах о конфискации имущества существовало неписаное правило: каждый, кто приложил к этому руку, должен был «потяжелеть» на пояс. Еще до того, как ценности вносили в реестры и отправляли в императорскую казну, происходил дележ на месте. Львиная доля, разумеется, предназначалась государству, но то, что просачивалось сквозь пальцы — «плата за труды» для рядовых исполнителей и вершущих, — считалось законной добычей.

Будь Цуй Люй прежним, он бы не просто не отказался — он бы, даже со сломанной ногой и глубокой раной на спине, прихромал посмотреть на этот пир. Пользуясь дружбой с Би Хэном, он выгадал бы себе кусок пожирнее. Амей он тогда сердце почернее, он бы и вовсе промолчал про Золотую библиотеку Янь Сю. Дождался бы, пока ревизоры уедут, и потихоньку заменил бы золотые слитки в стенах обычными кирпичами. Даже одной разобранной стены хватило бы, чтобы его семейная казна лопнула по швам.

В его «пророческом сне» ту библиотеку так и не нашли. Перед тем как гвардейцы ворвались в дом, Янь Сю опоил ядом сотню своих слуг и домочадцев, оставив в живых лишь больного сына. Суд решил, что Янь Сю был лишь козлом отпущения для богатых кланов — богатым, но не сказочно состоятельным.

Тайну раскрыли лишь годы спустя, когда береговая линия Цзянчжоу пала. Сын Янь Сю, спасая свою жизнь от ножа пиратов из Дунсана, указал на старое заброшенное здание. Тогда ослепительный блеск золота потряс не только Цзянчжоу, но и всю империю Данин.

Даже после того как часть слитков пустили на нужды обороны, оставшиеся стены пираты разбирали три дня. Корабли контрабандистов курсировали туда-сюда пять или шесть раз, набивая трюмы до отказа.

Этот старый лис Янь Сю заложил фундамент здания на две сажени глубже обычного. Кирпичей, поднятых со дна озера, хватило бы, чтобы отлить резные колонны перед главными воротами императорского дворца.

Это не было просто богатством — это было истинное величие старых родов Цзянчжоу.

Рассказав Би Хэну об этом месте, Цуй Люй окончательно отсекал в себе желание пожить. Он даже подавил порыв пойти и взглянуть на это море золота своими глазами.

Инстинкты можно обуздать, но привычка, въевшаяся в кости, всё равно заставляла сердце екать при виде блестящего металла.

Ему было невыносимо трудно. Он не стал святым, для которого золото — лишь прах. Просто когда у горла занесен клинок, начинаешь понимать: лучше отдать всё своим, чем оставить чужакам.

Он и представить не мог, что наступит день, когда он будет отталкивать от себя деньги и смотреть на слитки с полным равнодушием.

«Пожалуй, я сейчас похож на того праведника, что сохранил невозмутимость в объятиях красавицы», — усмехнулся он про себя.

Цуй Люй тяжело вздохнул. Ему казалось, что вся его воля ушла на этот единственный жест. Спокойным голосом, указывая на золото, он произнес:

— Унесите это. Мне ничего не нужно.

Би Хэн остолбенел. Его рот открылся, глаза округлились, и лишь спустя долгое время он сумел выдать:

— Что? Ты... что ты сейчас сказал?

Он был уверен, что ослышался. Цуй Люй, отказывающийся от верных денег? Это было невозможно.

Цуй Люй отвернулся и еще раз решительно взмахнул рукой:

— Раздай людям. Или оставь себе. Мне оно без надобности.

На этот раз Би Хэн услышал отчетливо. Но в его голове это не укладывалось.

Он подошел к Цуй Люю и, склонившись, заговорил вкрадчиво, словно пытаясь убедить неразумного ребенка:

— Ты боишься, что записи в книгах будет трудно свести? Не волнуйся, я всё улажу. Никто и никогда не узнает, что ты участвовал в... кхм... дележе. Мои люди уже получили свою долю и умеют держать язык за зубами. Они знают: не будь тебя, мы бы и сотой части этого не нашли.

Они сами хотят, чтобы ты был с ними в одной связке. Если же ты опасаясь, что это станет когда-нибудь уликой против тебя, то клянусь: если я хоть раз попробую понукнуть тебя этими деньгами или выставить условия — пусть я никогда не дострою ни единого канала и не проложу ни одной дороги! Люй-цин, я от чистого сердца делюсь с тобой. Ты спас меня, помог добыть такую славу... По совести и по праву это золото — твое. Да и ребята не будут спать спокойно, если ты не возьмешь свою часть!

В этом и заключалась горькая правда жизни: в кристально чистой воде рыба не водится. Когда ты хочешь остаться в стороне от грязных дел, окружающие начинают видеть в тебе угрозу. Если ты не сидишь с ними в одной канаве, они не могут тебе доверять. И последствия такого недоверия непредсказуемы.

Цуй Люй понимал это. Если он не возьмет деньги, Би Хэну тоже будет неудобно оставить свою долю, а если придется забирать уже розданное у солдат — те его возненавидят.

Отказываясь, он превращал себя в мишень. И в случае любой беды именно от него избавятся первым как от «чужого».

Он уже взошел на борт корабля Би Хэна. А быть на борту и не разделять риски команды — смертельно опасно.

Би Хэну он верил, но его люди были из столицы. Когда служба закончится, они разъедутся, и никакие чувства не помешают им сдать того, кто не «в доле».

К тому же, рядом были недоброжелатели — Цю Саньдао и Цзи Байлин. Малейший раскол из-за денег — и они тут же воспользуются шансом, чтобы перессорить команду.

Би Хэну было необходимо это золото, чтобы купить верность подчиненных.

А значит, брат всё-таки придется.

«Надо же, чиновником я так и не стал, а в их порядки вляпался по полной», — иронично подумал Цуй Люй.

Он потер лицо, натянул на губы подобие улыбки и произнес:

— Я понял тебя. Хорошо, я приму это. Спасибо, брат Би... — он помедлил и не удержался: — Но ты всё же мог бы не упоминать мою роль. Скажи, что сам нашел это здание.

Так он мог бы хоть немного обезопасить себя, стерев свое имя из отчетов.

Если Би Хэн не сможет удержать власть в Цзянчжоу, ему придется уехать. И тогда Цуй Люю в

уезде Хуйцзюй жизни не будет. Богачи Цзянчжоу перероят землю, расследуя падение Янь Сю, и Цуй Люй не обольщался — замести все следы ему не удастся.

Он уже «засветился» на пиру у Янь Сю, прилюдно назвавшись старым знакомым Би Хэна. Пока Янь Сю был в силе, это было лишь поводом для косых взглядов. Но теперь это делало его предателем в глазах местных кланов.

Как бы он ни старался избежать участия в делах Би Хэна, для местных элит он уже был частью его банды.

Оставался один путь — идти до конца и помочь Би Хэну захватить контроль над управой Цзянчжоу.

Би Хэн, искушенный в политике, понимал это гораздо лучше. Предлагая «долю», он тонко напоминал Цуй Люю: остаться в стороне не получится.

Это была негласная битва за право жить на этой земле. Кто победит — тот сохранит дом, кто проиграет — отправится в изгнание.

В их возрасте намеки понимаются с полуслова, хотя гордость порой и заставляет еще немного посопротивляться.

Цуй Люй кивнул, принимая «плату за труды».

Би Хэн тут же просиял, захлопал в ладоши и присел рядом на кушетку:

— Свою долю я тоже пока оставляю у тебя. Когда всё уляжется, пришлю домашних забрать. Люй-цин, эти деньги... скажу тебе честно, я готовлю их для Тинлянь.

Цуй Люй вздрогнул, услышав это имя спустя столько лет.

— Что с ней?

По возрасту ей уже полагалось нянчить внуков.

Лицо Би Хэна исказилось, он гневно глянул на Цуй Люя и зашептал:

— Тебя надо благодарить! Помнишь, ты наплел, мол, рожать надо по ребенку в год, и чтобы не меньше пяти? Девчонка так перепугалась, что запомнила это на всю жизнь. Когда мать заставила её выйти замуж, она три-четыре года не могла забеременеть. Оказалось — эта негодница втайне пила снадобья против зачатия! Зять мой не выдержал, завел детей на

стороне. Сваты сначала терпели из уважения ко мне, но как узнали про её фокусы — жизни ей не давали...

Он тяжело вздохнул и продолжил:

— Характер у неё — не знаю в кого, упрямая как осел. Уперлась — и ни в какую, не буду, говорит, рожать. Муж её содержал любовниц, она сама их в дом принимала, давала им имена и статус. За два года превратила свою репутацию из скандальной в «великодушную госпожу». А как муж захотел сделать наложницу с сыном «равной женой», она просто подала прошение о разводе. Мол, не хочет обижать мужа и его любимую, и не желает, чтобы их ребенок считался незаконным. А так как она «бесплодна» и пользы роду не приносит — лучше разойтись с миром. Ох и лиса... Если бы она не была моей дочерью, я бы сам поверил в её благородство!

Цуй Люй слушал, раскрыв рот от изумления.

— Тинлянь? Она правда на такое решилась?

Би Хэн хлопнул себя по колену:

— Ещё как! Вернулась в родительский дом, но с нами жить отказалась. Сняла флигель по соседству, открыла гончарную мастерскую. Целыми днями в глине по локоть, делает какие-то странные миски да вазы. Мать её в слезах, невестки детей к ней не пускают — мол, дурной пример. Вот я и боюсь: когда нас со старухой не станет, как она выживет? Братья о ней заботиться не станут. Люй-цин, пусть золото лежит у тебя. Домой я его не повезу — у снох глаза загребушие, не ровен час, раздор в семье начнется.

Вот она, причина, по которой честный чиновник нарушил свои правила. У каждого в шкафу свои скелеты. Не будь здесь Цуй Люя, Би Хэн, возможно, еще бы колебался, но присутствие старого друга, который всё поймет и сохранит тайну, придало ему уверенности.

В таком возрасте никто не хочет портить себе репутацию на склоне лет.

Услышав это, Цуй Люй перестал винить Би Хэна за то, что тот втянул его в авантюру. Он понимал: отцовское сердце болит за дочь-разведенку, чье будущее туманно.

— Мы оба отцы, — Цуй Люй сочувственно сжал руку друга. — Я понимаю твою боль. У Тинлянь и впрямь непростая доля. Ты всё делаешь правильно. Родители всегда пекутся о детях до последнего вздоха. Я всё понимаю.

Би Хэн крепко сжал его ладони в ответ, и в глазах его отразилось искреннее облегчение.

— Я знал, что ты поймешь. Люй-цин, у меня от тебя секретов нет. Так что если у тебя на душе что-то скребет — не таи. Вместе выход найдем. Я за тебя костями лягу, не брошу.

Он пристально смотрел в глаза Цуй Люю, словно призывая его выложить свою тайну.

Би Хэн всё еще помнил про ту «Железную грамоту» и был уверен: Цуй Люй чего-то боится. Тайны его были велики, и Би Хэн, как соратник по «грязному делу», был готов разделить этот риск.

Но как Цуй Люю было признаться? Расскажешь — на смех поднимут.

Кто в здравом уме поверит снам? А уж тем более — начнет действовать, основываясь на видениях?

Как сказать без доказательств, что через десять лет его род будет вырезан под корень?

Его просто примут за сумасшедшего.

— Нет у меня никаких бед, брат Би. Тебе показалось, — в конце концов ответил Цуй Люй.

Не давая Би Хэну возможности продолжить расспросы, он быстро перевел тему на дела Линь Лифу и выкуп ребенка.

— Этот Линь Лифу точно знает, где стоят корабли «Дин-Ин». Если хочешь перехватить инициативу — действуй немедленно.

Би Хэн едва не подпрыгнул от восторга, его руки на плечах Цуй Люя задрожали от нетерпения:

— Корабли класса «Дин»? Правда? Люй-цин, Люй-цин, обещаю тебе: каждое твое слово, каждая заслуга будут в моем докладе! И Великий император, и нынешний государь узнают о тебе. Клянусь, когда я возьму Цзянчжоу в свои руки, твое имя в списке героев будет первым!

Ещё полгода назад Цуй Люй и слышать не хотел о том, чтобы его имя упоминали в донесениях двору. Но теперь всё изменилось. Ему был нужен надежный канал связи с «верхами», и Би Хэн подходил для этого как нельзя лучше.

Цуй Люй не стал отказываться:

— Спасибо. Моему сыну Юаньши скоро сдавать экзамены, такая поддержка ему не помешает. Так что не буду скромничать.

Би Хэн окончательно убедился: Цуй Люй затеял что-то очень крупное.

Он припрятал эту мысль в глубине души, выпрямился и крикнул в дверь:

— Заходите! У меня есть к вам дело.

Вошли стражники. У Фан уже вернулся, сжимая в руках бумаги на мать и дитя. Линь Лифу не сводил с них напряженного взгляда. Цуй Люй даже не прикоснулся к ним:

— Отдай ему. Как заберешь сестру, сразу иди в управу — нужно вычеркнуть её из списков «подлого люда».

Поскольку её продали родственники, она автоматически лишилась статуса свободного человека.

Линь Лифу дрожащими руками прижал к груди бумаги, его глаза покраснели от слез.

— Спасибо... спасибо вам, господин Цуй, господин инспектор... Век благодарен буду...

Цуй Люй дал ему отвесить несколько поклонов, а затем велел Тао Сяоцяню поднять его.

— Ты наверняка понял, кто сидит передо мной. Давай без лишних слов. Я выкупил ребенка и вернул свободу твоей сестре. Теперь твоя очередь помочь нам. И не бойся — я не брошу тебя на произвол судьбы. Если сможешь найти корабли и договоришься, чтобы нам открыли переправу через реку, я не только не потребую вернуть деньги за выкуп, но и обеспечу тебя, твою сестру и племянницу до конца дней. Будете жить в достатке и безопасности. Согласен?

Линь Лифу опустился на колени посреди комнаты. Сначала он молча гладил бумаги, поглядывая на младенца в руках Ли Янь, а затем вскинул голову:

— Я согласен, господин. Я сделаю всё ради сестры и племянницы. Но... господин Цуй, господин инспектор, не сочтите за дерзость... Мне кажется, вы не совсем понимаете, с кем имеете дело.

Он замолчал, подбирая слова. Напасть на корабли «Дин-Ин» в лоб? Неужели они думают, что на палубах сидят дураки или слабаки?

В таких водах чаще всего гибнут те «сильные драконы», что слишком самонадеянны.

Би Хэн нахмурился и подался вперед:

— Что ты имеешь в виду? Там слишком много охраны? У нас не хватит людей?

Линь Лифу покачал головой:

— Людей немного, но место для стоянки выбрано хитро. Господин инспектор, как ваши люди

держатся на воде? Если бандиты бросят корабль и пустят его на рифы — кто из ваших гвардейцев выберется из водоворота?

Опытные моряки гибнут в тех лабиринтах скал, а столичные воины, не умеющие нырять, и вовсе станут легкой добычей для пучины.

Цуй Люю нечего было возразить. В водном деле с жителями Цзянчжоу не могли сравниться ни северяне, ни западники, ни даже соседи из Баочуань. Здесь каждый младенец плавал лучше взрослого чужака.

Тао Сяоцян не выдержал и толкнул друга в плечо:

— Хватит пугать! Говори, что делать. Еще немного — и сестру твою увезут, тогда локти кусать будешь.

Линь Лифу стиснул зубы и прижался лбом к полу:

— Я знаю, где скрываются главари. Если поверите мне — дайте людей, мы схватим их. Тогда весь порт будет в ваших руках.

Цуй Люй переглянулся с Би Хэном.

— У них же у каждого по три норы. Ты уверен, что знаешь, где они будут этой ночью? Если промахнемся и спугнем их — нам не сдобровать. В банде больше тысячи человек...

Цуй Люй потратил кучу серебра, но смог добраться лишь до мелких сошек. А в банде шесть главарей, и никто не знает, где они ночуют — место выбирается жребием в последний момент. Даже местные богачи не могли их выследить. Откуда такая уверенность у Линь Лифу?

Линь Лифу расправил плечи и глухо произнес:

— Весь этот жребий — пыль в глаза. У каждого главаря свои привычки. Место ночлега и женщина известны заранее. Жребий лишь указывает направление, но как только он выпадает — та женщина, которая должна его принять, уже готова.

Цуй Люй мгновенно уловил суть:

— Ты хочешь сказать, что нам нужно просто следить за их женщинами?

Линь Лифу кивнул:

— Я знаю тех, кто сейчас у них в фаворе. Дайте людей — и к вечеру мы будем знать, под чьим одеялом уснет каждый из пятерых оставшихся главарей.

Слухи твердили о десятках наложниц у каждого, но на деле в фаворе всегда были лишь четверо-пятеро. Третий главарь уже мертв, осталось пятеро — значит, пара десятков соглядатаев справятся с задачей до темноты.

«Настало время закинуть сеть», — пронеслось в голове Цуй Люя.

Он строго посмотрел на Линь Лифу:

— Откуда у тебя такие сведения? За такую информацию любая семья в Цзянчжоу озолотила бы тебя.

В глазах Линь Лифу мелькнула тень. Он сжал кулаки.

— Я вырос на воде, река — мой хлеб. Я бы никогда не предал главарей без нужды. Я знал, чего хотят богатые кланы, но за моей спиной — родители, братья, друзья. Всё наше братство кормится от реки. Если я предам — как они будут жить? Я хранил эти тайны до последнего, потому что порт — это наша жизнь.

Его голос дрожал от усталости.

— Но когда пришла беда, когда мою сестру опозорили, а родителей избили — я пошел к старшему главарю. Он меня выставил. Пошел к третьему — тот был занят девками. Пятый, которого я считал другом, даже не вышел ко мне. Знаете почему? Родня моего зятя поставляет им соль для контрабанды в Баочуань. Главарям выгоднее дружить с ними, чем защищать простого лодочника. Я этого не забуду. Я их уничтожу.

Его колотила дрожь. Это была боль человека, чья вера в братство рухнула в один миг. Для речного люда банда была законом и опорой, но когда закон отвернулся от него, осталась лишь жажда мести.

Цуй Люй успокаивающе коснулся его плеча:

— Не горячись. Раз ты друг Сяоцяня, то знаешь, сколько денег я вложил в ваше дело. Скажу прямо: мне нужен этот порт. Во-первых, для безопасности моей семьи, во-вторых — для торговли. Клан Цуй слишком долго сидел в своем уезде. Пора выходить в мир. Линь-эр, если сможешь мне взять власть над пристанью, я сделаю тебя одним из главных управляющих. Твоя жизнь не изменится, но у тебя будет власть защищать своих близких. Я обещаю: никто, даже я сам, не будет помыкать вами, речным народом. Клянусь!

Линь Лифу замер, а затем снова низко поклонился, и голос его теперь звучал твердо:

— Я помогу вам взять пристань, господин.

Он вскочил на ноги и потянул за собой Тао Сяоцзя:

— Идем! Мне нужно поговорить со своими ребятами. Им нужны доказательства, что я не просто спасаю сестру, а предлагаю им новую жизнь без этих жадных псов...

Цуй Люй подал знак У Фану:

— Постой, Линь Лифу. У Фан...

— Слушаю, господин!

Цуй Люй кивнул на один из сундуков:

— Возьми золото. Пусть это будет моим подарком твоим людям. Неважно, получится у нас или нет — это плата за риск. Пусть устроят свои семьи, а потом сделают всё, чтобы мы победили. В случае успеха — награда будет вдвое больше!

Линь Лифу сглотнул, глядя на золото. Он бросил последний взгляд на спящего младенца и решительно вышел вслед за стражниками.

Той ночью в Цзянчжоу, когда город погрузился в комендантский час, Би Хэн и Цуй Люй сидели при свете единственной лампы. Перед ними лежала шахматная доска, на которой партия замерла в патовой позиции. Цуй Люй долго медлил, а затем сделал решительный ход, и мертвые фигуры на доске вдруг обрели жизнь.

— Цю Саньдао пошел? — Цуй Люй вертел в пальцах костяную фигуру.

— Пошел. Я пообещал ему, что если он пустит в ход клинок, я забуду всё, что знаю о делах Цзи Байлин.

Би Хэн тоже задумчиво перебирал камни.

Цуй Люй хмыкнул:

— Ты играешь словами. Неужели он поверил?

Би Хэн бросил на друга ироничный взгляд:

— А у него есть выбор? Мое молчание дает им шанс покаяться перед двором и вымолить прощение. У них будет время придумать, как оправдаться. А ты лучше за Ли Янь приглядывай — как бы Цзи Байлин её снова не обхитрила.

Цуй Люй посмотрел на девушку, которая крепко спала в углу, прижимая к себе ребенка.

— Не выйдет. Девчонка хоть и не в себе, но нутром чует зло. В глазах Цзи Байлин — яд, и Янь-эр это знает.

Би Хэн вздохнул:

— Жаль Цю Саньдао... Дома его по голове не погладят за такие дела.

Цуй Люй глянул в окно.

— Четвертая стража. Пора им возвращаться.

Словно в ответ на его слова, послышались тяжелые шаги.

Пять окровавленных голов легли в ряд прямо на шахматную доску. Цю Саньдао, бледный и мрачный, стоял у порога, не выпуская из рук меча. Его взгляд был полон холодной ярости, направленной на Цуй Люя.

— Отдай мне Ли Янь.

Цуй Люй лишь презрительно усмехнулся:

— Чтобы ты её прирезал?

Меч Цю Саньдао со скрежетом вышел из ножен на полпальца.

— Ты нарываешься, старик.

Би Хэн с грохотом хлопнул ладонью по столу:

— Командир Цю, остынь! Он не тот, на кого можно поднимать меч.

Цуй Люй пересчитал головы на доске и удовлетворенно кивнул:

— Спасибо за помощь, командир Цю. Отныне на пристани будет мой закон. Хочешь меня убить? Подумай сначала, выпустят ли тебя из Цзянчжоу живым.

Он повернулся к Би Хэну:

— Спасибо за содействие, инспектор. Сам бы я не смог уговорить господина Цю на такую прогулку.

Меч Цю Саньдао снова лязгнул — гнев душил его. Он понял, что его использовали как простого палача, чтобы расчистить путь Цуй Люю. Убийственная аура наполнила комнату.

— Вы... вы посмели обмануть меня?

Цуй Люй поднялся, опираясь на руку вошедшего Цуй Чэна.

— И что с того? Командир Цю, сегодня ночью истекает третий день. Скоро твое тело само подскажет тебе, стоит ли здесь шуметь. Цуй Чэн... идем. Пора принимать пристань!

<http://bllate.org/book/16118/1587129>